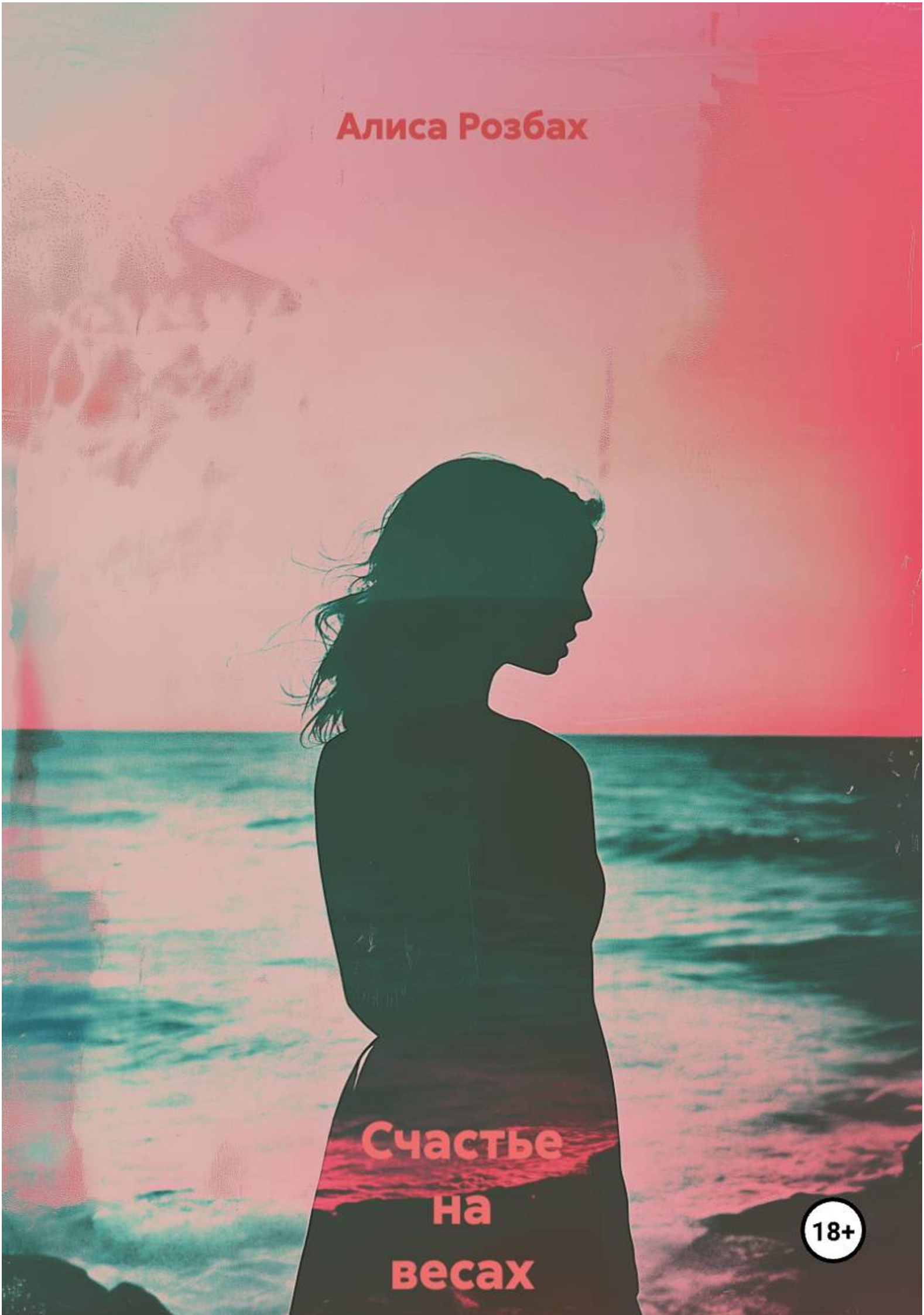
Алиса Розбах

Счастье на весах

18+

Алиса Розбах

Счастье на весах

«Автор»
2026

Розбах А.

Счастье на весах / А. Розбах — «Автор», 2026

У Саши Кузнецовой всё было нормально: нормальная работа, нормальная сестра, нормальные двадцать семь лет. И шестьдесят шесть килограммов при росте сто шестьдесят шесть — ровно середина нормы, если верить медицине. Но медицина не видела того, что видела Саша в баре «Груша» тем сентябрьским вечером: тонкие запястья, свободный свитер и девушку, которая смеётся, не убирая волос с лица, — потому что ей не надо ничего поправлять.В тот вечер Саша написала в заметках единственную фразу, которую считала разумной: «Похудею немного — и всё наладится».«Счастье на весах» — ироничная и беспощадная история о девушке, которая продала себя за цифру на весах и вдруг обнаружила, что покупатель не пришёл. О настоящем супе, настоящем смехе, настоящем «ты есть» — и о цене, которую пришлось заплатить, чтобы всё это узнать.Она добилась идеального веса. Проблема в том, что счастья в этом весе не оказалось.

© Розбах А., 2026
© Автор, 2026

Алиса Розбах
Счастье на весах

ПРОЛОГ

Я не помню, как пахнет еда. Не в том смысле, в каком не помню сон: я помню запахи - кофе, корица, чеснок на чужой сковороде за стенкой. Я помню их так, как помнят голоса детства: точно, но из другого мира.

Не помню я другого - как это было, когда еда была просто едой. Когда кусок хлеба не требовал решения, а тарелка супа не приравнивалась к преступлению.

Люди думают, что болезнь начинается с зеркала. С несчастного утра, с джинсов, которые не застегиваются. Не со списка надену, когда похудею. Не пойду с ним на свидание, когда буду выглядеть презентабельно. Нет. Она начинается гораздо тише - с одной фразы, которую ты говоришь себе. Одной маленькой, разумной, почти заботливой фразы. Мне кажется, я до сих пор помню свою дословно.

Но об этом позже. Сначала - вечер, с которого всё началось. Тот, который я уже сто раз перебрала в памяти и ни разу не пересобрала правильно.

ГЛАВА ПЕРВАЯ

Бар назывался «Груша», и это было последнее милое совпадение в моей жизни.

Я пришла туда, потому что Лерка позвала, а Лерку нельзя было ослушаться - она умирала от насморка и потому требовала компании с особым драматизмом. Я опоздала на двадцать минут, продрогла, побоялась снять пальто, сняла всё-таки, и в тот момент, когда я клала его на спинку стула, я увидела его.

Дима. Тот самый Дима, с которым я полгода переписывалась так аккуратно, будто несла в обеих руках воду. Который звал меня на кофе, а я дважды отвечала «давай на следующей неделе», потому что на следующей неделе я обязательно похудею к пятнице, потому что в пятницу у меня ничего не будет из этого платья, потому что...

Он сидел у окна. Напротив него сидела девушка.

Я хочу описать её честно, без гадостей, потому что гадости я придумывала потом, а в первую секунду я успела только увидеть. Увидела то, что видит каждый. Она была тонкая - той тонкостью, которую не делают в зале и которую не требуют десять тысяч шагов. Тонкость воспитания. Тонкость, с которой человек рождается, и она остаётся с ним, как цвет глаз. Запястья. Подбородок. Свитер свободного вязания, который на мне выглядел бы укором, а на ней - просто свитер. Она смеялась, наклонив голову, и её волосы падали на лицо, и она их не убирала - ей не надо было убирать волосы с лица. У неё вообще не было ничего, что надо было бы поправить.

Дима что-то ей сказал, и она ударила его по руке - легко, привычно, как бьют тех, кого давно не боятся.

Я стояла с пальто в руке - вот так, посреди зала, с чужим пальто в руке - и не могла решить, куда мне его положить, потому что стул, за который я собиралась сесть, оказался в опасной близости от их столика. От их окна. От их смеха.

- Саша! - заорала Лерка так, что повернулись три столика. - Здесь! Иди сюда!

Я села. Я даже, кажется, улыбнулась. Я заказала чай - сначала взяла с молоком, потом, пока официант не ушёл, сказала: «простите, просто чай». Лерка рассказывала про начальника, про нос, который ей вылечили, а на самом деле не вылечили; я кивала в нужных местах, а смотрела на окно. Они ушли через сорок минут. Она встала первой - лёгким движением, как встают люди, которых ничто не тяготит, ни тела, ни пальто, ни решения. Он придержал ей дверь. Она не обернулась - вернее, обернулась, но уже из-за двери, и я видела её профиль в

витрине, наложенный на улицу, на снег, на весь вечерний город, и в этом профиле не было ни страха, ни просьбы, ни оправдания.

Я не ела в тот вечер. Это не было решением - так вышло. Лерка ушла рано, я осталась с остывшим чаем и с мыслью, которая пришла не как мысль, а как факт, как погода:

Всё, что со мной не так, - от этого.

Не от того, что я боюсь говорить на собраниях. Не от того, что я в свои двадцать семь до сих пор извиняюсь перед таксистами. Не от того, что мама звонит и я отвечаю так коротко, что потом сама себя ненавижу. От этого. От шестидесяти шести килограммов при ста шестидесяти шести сантиметрах, хотя цифры я, заметьте, не знала тогда - я узнала их на следующей неделе, встала на весы в ванной, где пол холодный, и весы показали честно, и я записала цифру на обороте квитанции за электричество, потому что других чистых бумажек в доме не было.

А тогда, в «Груше», я знала просто: есть причина и есть следствие. И что у неё - запястья, смех, свитер - причина вырезана. И что её можно вырезать.

Я не думала «сяду на диету». Это звучало бы смешно и по-домашнему, как «заведу кота». Я надумала страшное. Именно оттого, что звучит разумно, - я думала: «Нужно взять себя в руки». Всё. Гениальная формула. Берут же люди себя в руки. Бросают курить, встают в шесть, бегают. Значит, и я могу.

Что я не понимала - по глупости, по молодости, по обыкновенной человеческой слепоте, - что «взять себя в руки» - это не про руки. Это про горло. И что в горле, которое ты сам себе сжимаешь, однажды перестает различаться, кто кого берет в руки.

Но об этом я узнала позже. А в тот вечер я шла домой пешком - шесть станций метро, потому что «и деньги целее, и воздух», - и мне было холодно, и снег ложился на рукава, и я впервые за много лет чувствовала в себе не усталость, а решимость. Она гудела, как трансформаторная будка, ровно и дурацки.

Дома я не ужинала. Не потому что решила - потому что забыла. Честное слово, забыла: я сидела до двух ночи и смотрела в потолок, и представляла, как в мае - в мае же будет май - я вхожу в то же самое кафе, уже другая, и Дима поднимает глаза, и у него в глазах появляется то самое выражение...

Я тогда ещё не знала, что самую дорогую вещь в этой сделке я уже отдала. Что я продала не жир. Что я продала то окно, ту беспечность, то «не надо было поправлять волосы» - саму способность жить без плана.

Май наступит. Он всегда наступает.

ГЛАВА ВТОРАЯ

Первые две недели я была счастлива, и об этом мне теперь труднее всего говорить.

Понимаете, нужно быть честной до конца, иначе всё это бессмысленно: в начале это не было болью. В начале это была власть. Власть, которой у меня не было никогда, - над собой, над утром, над походом в магазин. Я просыпалась раньше будильника - не от голода, не подумайте, от нетерпения, - и шла в ванную, и вставала на весы, и каждая цифра была меньше вчерашней, и каждый день был похож на осторожное совершаемое чудо.

Я составила план. Аккуратный, с пунктами, в заметках на телефоне, шифром - не для других, для себя, чтобы собственные глаза не пугались. Я была системной всегда: задачи, списки, сроки, папочки. Болезнь у таких, как я, не выглядит как хаос. Она выглядит как идеальный порядок. Как я потом прочту в одной книге - я ведь читала о себе, все мы читаем о себе, - «анорексия - это попытка контролировать тело, когда нечего контролировать в жизни». Я спорила с той книгой. Голосом. Вслух, в пустой квартире.

Что я делала? Ничего такого, о чём стоило бы писать. Я перестала есть после шести, как миллионы людей перестают есть после шести. Потом перестала есть после пяти. Я заменила обед - тем, что нельзя назвать заменой, не соврать. Я бегала по утрам, сначала через силу, потом - и вот здесь первый звонок, который я услышала и сделала вид, что не слышала, - с

наслаждением. Утренний бег на пустой желудок давал не усталость, а лёгкость. Даже полёт. Я думала: вот оно, здоровье, наконец-то я живу как взрослый человек.

Навсегда запомнила этот момент: полёт на голодный желудок. Когда он случился - с утратой аппетита, с эйфорией, с тем, что голод перестаёт быть неприятным, - конечно это не здоровье. Это организм включает аварийный режим и переводит тебя на автономное питание - выживание без тебя. Но тогда я этого не знала. Тогда я писала в дневнике, у меня был дневник, короткий, сухой, табличный: дата, результат, «чувствую себя отлично».

И я действительно чувствовала себя отлично. Пояс сдвинулся на две дырки - я помню эти дырки лучше, чем собственный день рождения. Коллеги - сначала Ольга Петровна из бухгалтерии, потом, как по цепочке, все, - начали говорить: «Ты что-то потеряла?» - и я отвечала: «Нет, наоборот», - и мы оба улыбались, и никто из нас не понимал, насколько правильно это прозвучало. Я потеряла. Но не то, что они имели в виду.

Диме я написала в ту неделю, которую назову себе последней счастливой. Написала ровно, выверено, без восклицательных знаков: «Привет! Вспоминала кафе "Груша", там классно. Может, повторим?» Он ответил через шесть часов - я до сих пор помню, как я обновляла диалог, стоя с телефоном у балконной двери, - и ответил тепло, весело, спокойно: «Привет! Конечно, давай! Только на следующей - у меня завал».

Завал. Я прочитала «завал» девять раз. Я разложила его на слоги. Я искала в нём смысл, как в древней надписи, и нашла, разумеется, то, что хотела: он загружен - а у той, из «Груши», запястья тонкие, и она смеётся, не убирая волос, и ей никто не пишет «давай на следующей», потому что с ней не надо на следующей, с ней можно прямо сейчас.

На следующей неделе он мне не написал. Я ему тоже. Мы оба были заняты - он завалом, я делом, которое уже ело меня изнутри и называло себя «дисциплиной».

ГЛАВА ТРЕТЬЯ

Слом случился не там, где ждали, - не на весах. Он случился в пятницу, на дне рождения Аньки из отдела, в ресторане с дурацкими лампами под потолком и меню, которое держали в руках, как семейную библию.

До этого дня я держалась два месяца. Скажу честно - держалась красиво. К обедам коллег я присутствовала с чаем и работой: «не успеваю поесть, кстати, вы не в курсе, у кого принтер?» Я научилась есть перед людьми так, что это выглядело как еда: салат, разложенный по кругу так долго, что он переставал быть едой и становился декорацией; кусочек хлеба, от которого отрезано всё, кроме корки. Я научилась пить воду большими глотками и ставить стакан так, чтобы он всё время был полон. Я была виртуозом. Виртуозов не замечают - именно поэтому я виртуозничала два месяца, и никто, включая меня, не успел испугаться.

В тот вечер я была на голодном - день был «чистый», я знала его наизусть до минуты. А потом Анька, уже хорошенько навеселе, кричит: «Саш! Саша! Торт! Я без тебя торт резать не буду!» - и всё отделение, вся моя тёплая людская канцелярия поворачивается ко мне, и там, в середине стола, стоит этот торт - навалился кремом, с вишнями, с фигуркой из мастики, - и он смотрит на меня.

Я не буду описывать вам следующие сорок секунд, потому что их не описать. Есть слово - оно точное, но гнусное, - «сорвалась». Я съела кусок. Нет, «съела кусок» - это я говорю вам сейчас, задним числом, взрослым голосом. Тогда это было не кусок. Тогда это было падение с крыши, которое длилось три минуты и весь остаток вечера.

Странность - запомните её, она важна: торт не был вкусным. Я ела и не чувствовала вкуса, я чувствовала только, что делаю что-то, что нельзя, и продолжаю делать, потому что остановиться уже всё равно. Как человек, который разбил вазу и тут же, в истерике, бьёт оставшиеся. Потом была уборная, где я стояла, положив лоб на холодную дверцу кабинки, и думала не «что я наделала», а «сколько мне теперь надо, чтобы всё это стало как прежде». Это была математика. Ужасная, скучная, бессонная математика.

Домой я шла пешком, конечно. Шесть станций. Я уже знала, что делать: зал, открытый круглосуточно, в трехстах метрах от дома, ночь, беговая дорожка. «Сжечь» - я использовала это слово, и оно звучало честно, как труд. Я занималась больше часа - на дорожке висел экран, на экране бегали цифры, и я стояла там, потная, с головокружением, и ждала, пока цифра, на которую я возложила все надежды, наберётся до конца.

И вот что я хочу сказать, в этом месте, где я сама себе до сих пор не прощаю: когда я вышла из зала - в два ночи, в минус десять за окном, с мокрой спиной и звенящими ушами, - я не чувствовала себя наказанной. Я чувствовала себя искупленной. Грязь отторгнута. Баланс восстановлен. Я шла по пустой улице, и снежинки падали на горячую голову, и я была счастлива ровно тем счастьем, о котором писала потом в дневнике: «вернулась в систему».

Вернулась. В систему. Всё, что было дальше, - это система. А я была её деталью.

Первым тем, что я не заметила - да-да, не заметила, - стал сон. Я перестала просыпаться раньше будильника от нетерпения. Я просыпалась раньше будильника от голода - в четыре, в половине пятого, - лежала в темноте и слушала, как во мне, в животе, кричит что-то, что я училась не называть. Я листала в телефоне рецепты. Не собираясь готовить - листала. Читала ресторанные меню целиком, от закусок до десертов, как романы. У меня появилось хобби, о котором я никому не говорила: я знала все кофейни города и в каждой - лучший десерт, и я ни одного из них не пробовала, и это знание грело меня так, как греет тайник.

Аппетит не умер - вы понимаете это? Он никогда не умирает. Он перешёл в подполье и стал разговаривать со мной как контрабандист: тихо, ночью, соблазнительно, с планом. А я стала пограничницей. Пограничнице нужна враг, чтобы жить. Я назначила врагом себя - в первом лице, внутри головы. Себе, голодной, я не верила ни в чём: не верила усталости («симулянтка»), не верила боли в желудке («привыкнет»), не верила слезам без причины («гормональное, пройдёт»). Единственной, кому я продолжала верить слепо, была цифра на весах. Если утром она падала - день был куплен. Не поднималась - день потерян, и это было не преувеличение, это был порядок слов.

Мама позвонила в воскресенье. Поговорили о рассаде - у неё теперь балкон в помидорах. Потом, уже прощаясь, она сказала: «Саш, а ты чего голос хриплая? Простыла?» И я ответила честно - впервые за месяц честно, и именно поэтому это было последнее честное: «Мам, я немножко похудела, ты не беспокойся, я контролирую».

Контролирую.

Если бы я умела остановиться в этой точке своей собственной истории - я бы крикнула туда, через два года, через всё, что будет: «Остановись, дурака, - не контролируешь ты! Тебя контролируют!» Но времени нет. Время - единственное, чего нет у этих историй: они всегда идут вниз быстрее, чем мы успеваем обернуться.

ГЛАВА ЧЕТВЁРТАЯ

Сестру звала Лера - не путайте, Лерка с насморком была подруга, а Лера - младшая сестра, двадцать три года, архитектор, человек с прямым сердцем и прямым же языком.

Она приехала в ноябре, без звонка, «оказалась в районе». Я открыла дверь - и по её лицу поняла всё раньше, чем она сказала первое слово. Есть люди, чьё лицо - честное зеркало: на нём сразу отпечатывается то, что они видят. Я в ту минуту стояла в домашнем свитере - свитере, который осенью висел на мне свободно, а теперь висел как на вешалке, и я подпоясывалась резинкой, чтобы он не выглядел так, как выглядел, - и я уже держала в голове две версии: «похудела, ты не поверишь, закрутилась в зале» и «да брось, у меня просто ПМС». Она выбила первую ещё на пороге.

- Саша. - Она поставила сумку на пол - не на тумбочку, как ставят гости, а на пол, как ставят те, кто задержится. - Посмотри на себя.

- Чего сразу - на себя. Поставь чайник.

- Саша, я серьёзно. - Она не сняла куртку. Гости, которые не снимают куртку, - это, оказывается, сигнал, просто я никогда раньше не сталкивалась. - Ты видела себя в зеркале? Не в витрине, не в отражении в телефоне. В зеркале.

Я засмеялась - у меня уже был готов смех, короткий, защитный, для таких моментов: - Лер, да я в норме. Я худела - и что? Все худеют.

- Не так все худеют, - сказала она тихо. Вот что было страшно: она говорила тихо, а Лера не умеет тихо, Лера кричит «Сырники подгорели!» на всю лестницу. Тихая Лера - это Лера, которая напугана. - Я не знаю, как у тебя там по-научному. Но у тебя, - она взяла меня за руку, за кисть, и я увидела свою кисть с её стороны, впервые за полгода, - у тебя запястья как у меня. А я тебе младше и всегда была тоньше. Ты понимаешь, что это значит? Это значит, что ты...

Она не договорила. Может, потому что не знала слова. Может, потому что зная - испугалась его.

- Ты завидуешь, - сказала я. Слова вышли сами, ровные, гладкие, отполированные двумя месяцами практики. - Ладно, признай. Всем завидно. Даже Ольге Петровне, а она прячет под «ты меня не слушаешь на обеде».

- Я не завидую, - сказала Лера, и глаза у неё наполнились - вот тут я отвернулась к чайнику, к его дурацкому свистку, которого он не издавал. - Саш. Я боюсь. Мне страшно на тебя смотреть. У тебя щёки провалились. Ты фиолетовая от холода в тёплой квартире. Ты стоишь, держась за косяк, - я видела. Ты ела что-нибудь сегодня, кроме яблок?

- Я не обязана отчитываться, - сказала я, и голос мой сделался холодным, канцелярским, и я сама его узнала - это был голос её начальства, когда те отказывали в отпуске. - Я взрослый человек. Это моя жизнь.

- Да, - сказала она, и подхватила сумку, и пошла в коридор, и у двери обернулась. - Это твоя жизнь. Поэтому и страшно, что это твоя жизнь.

Она ушла. Я стояла в прихожей и слушала, как в подъезде захлопывается дверь, и, понимаете, что я чувствовала? Триумф. Маленький, грязный, сквозь слёзы - но триумф: я устояла. Меня пытались отговорить - я не оговорилась. Это было первое, что я поняла как «принадлежность»: если близкие против - значит, я на верном пути. Заметьте, как складно устроено. Любая болезнь, которая умеет превращать любовь окружающих в доказательство своей правоты, - не пройдёт. Она уже в тебе.

В тот вечер я взвесилась пять раз. Четыре раза на одних весах, пятый - на аптечных, которые купила на обратном пути из круглосуточного - да, я вышла в одиннадцать вечера за весами, и кассир не посмотрел на меня, а я была уверена, что посмотрел. Весы показали разброс в четыреста граммов. Я не спала до трёх, пытаясь понять, какие из них врут.

Оба врали. Оба честно показывали правду, и правда была - не цифра. Правда была в том, что двадцатисемилетняя женщина в три часа ночи стоит босиком на аптечных весах в фиолетовой от холода коже и не может уснуть, потому что не может выяснить, четыре девятых у неё или пять целых.

А в понедельник я уже не думала об этом ни минуты. Утром было «система», вечером - «система», и я шла на работу мимо кафе, где пахло корицей, и ускоряла шаг, потому что запах корицы был врагом и врагов надо обходить быстро.

Я потеряла Леру на четыре месяца. Время, как я уже говорила, тут не на нашей стороне.

ГЛАВА ПЯТАЯ

В конце ноября вес встал.

Не «остановился» - это слишком мирное слово, у него есть финал. Вес встал, как машина на морозе: утром цифра, вечером цифра, утром цифра - одна и та же, упрямая, как тестяная тётка на семейном торжестве. Я делала всё то же самое, только ещё более старательно, а вес делал вид, что его это не касается.

Я назвала это «плато», потому что так пишут в умных статьях, а умные статьи я в тот месяц читала упаковками. Плато - звучит почти красиво. Как имя скандинавского дизайнера. На деле же «плато» означает, что тело, покопавшись вокруг своей точки комфорта, объявило территорию своей и выставило вокруг неё пограничников. Я месяц выцарапывала у него по двести-триста граммов в неделю, а он месяц судил, взвешивал и выдавал мне эти граммы со скрипом, как казна - жалование.

Я, надо сказать, реагировала на это зрелым и конструктивным образом: чуть не сожгла весы. Потом не сожгла - а купила новые. Керамические, не случайно: я слышала, что керамика «не врёт». Врать она не врала - она показывала то же самое, но теперь у меня было два прибора, и каждый вечер я сверяла их показания между собой, как цербер - паспорта.

Днём, на работе, всё было пристойно. Я даже стала на работе лучше - собраннее, суше, некрасивое слово, но точное. Задачи я выполняла быстрее, потому что мысли, не занятые едой, оставалось ровно две: срок и цифра. Днём я была образцовой сотрудницей, и Ольга Петровна говорила: «Сань, ты в последнее время какая-то, - она подбирала слово, - стальная». Стальная. Я поглядела на свои руки - на них в тот момент были два свитера, - и согласилась.

Проблемы начинались после шести. Точнее, после пяти, когда столовая внизу начинала греть маслом и луком, и запах поднимался по вентиляционной шахте, как приглашение на чужой праздник. Я научилась выключать нос. Нет, серьёзно - я думала, что это невозможно, пока не доказала на себе: есть запахи, которые перестают пахнуть, если держать их за врагов. Корица. Корица перестала пахнуть совсем. Корица стала просто словом из кроссворда.

Ночью всё осложнялось. Я спала по четыре часа, просыпаясь в одно и то же время - между четырьмя и пятью, - и лежала в темноте с включенным телефоном, листая чужие ужины. В этом есть что-то пошлое, я понимаю. Взрослая женщина, двадцать семь лет, высшее образование, оклад с процентом - и в три ночи она смотрит видео «варю картошечку с укропчиком», и укропчик там встряхивают над кастрюлей, и от этого движения у меня сводит челюсть. Я не голодала так, чтобы умирать, я говорила себе. Я контролирую. Люди в джунглях - вот у кого голод. А у меня плато. У меня плато, и всё под контролем.

В декабре меня повысили до старшего менеджера проекта. Я вышла на план, который не тянула два года подряд, - впервые в жизни мне стало легко работать, и я за это платила четырьмя часами сна и одной температурой, которую я измерила, увидела 36,2 и записала в дневник с пометкой «стабильно».

36,2. Я написала это слово - «стабильно» - и не усмехнулась. Вот что значит привычка.

ГЛАВА ШЕСТАЯ

Дима написал мне в середине декабря. Внезапно, без «давай на следующей неделе», без завалов: «Привет! Ты как вообще? Вспоминал нашу Грушу :)»

Я перечитала это сообщение четырнадцать раз, что я, полагаю, могу законно указывать в резюме как навык многозадачности.

Во-первых, «нашу». Слово «нашу» рядом со словом «Груша» - это почти собственность. Во-вторых, смайлик. Смайлик я расшифровала так же обстоятельно, как раньше - «завал»: он теплый, он смягчающий, он означает дружеское расположение, а дружеское расположение - это в худшем случае «друг», а в лучшем - «пока не исключено». В-третьих, он вспомнил её. Он вспомнил бар, а значит, вспоминал вечер, а вечер - это я.

Что он не вспоминал, так это тот вечер, когда я стояла посреди зала с пальто в руке и не могла найти стул. У мужчин хорошая память на вкусы и очень плохая - на декорации.

Мы переписывались до Нового года - нечасто, аккуратно, по-взрослому. Он спрашивал, как мои дела; я отвечала, что всё отлично, работа, спорт, саморазвитие; слово «спорт» я вставляла в каждое второе сообщение, как прячу лекарства в кошачий корм. На «спорт» он отзывался уважительно: «сильная». Один раз написал: «сильная женщина - это красиво, но страшно», и я три дня это переносила в себе, как занозу с золотым ободком: с одной стороны

- «красиво», с другой - «страшно». Я спросила в лоб: «это ты в каком смысле?» Он ответил: «в хорошем, конечно».

Конечно. Смайлик. У меня уже был архив его смайликов, и я вела им таблицу.

Тридцать первого он позвал меня на вечеринку к общим знакомым - «у Кости будет, ну, ты знаешь, у него всегда». Я знала. Я неделю готовилась к «у Кости», как к защите диссертации, потому что вечеринка - это еда, а еда - это территория, а территория - это война. Я составила план: приехать сытой, держать бокал пустым, стоять у окна. План сработал бы идеально, если бы не два обстоятельства: шампанское, которое он наливал мне сам, и Дима, который смеялся над моими шутками.

Со вторым я не могла совладать вообще. Когда человек смеется над твоими шутками - не из вежливости, а с откинутой головой, зажмурившись, - у тебя выделяются какие-то гормоны, и они, кажется, не считаются. В тот вечер я впервые за три месяца забыла про ужин. Просто забыла. Мы сидели на кухне у Кости, вдвоём, потому что все остальные скопились в зале вокруг телеигры, и он рассказывал, как в детстве боялся лифтов, и я смеялась, и он говорил: «да, смешно, но я в восемь лет в этом лифте час стоял, у меня теперь.twitch», - и это было лучшее, самое живое, самое бесценное, что у меня было за осень.

В два ночи он посадил меня в такси. Держал дверь, пока я садилась, - как держат не девушку, а что-то хрупкое. «С наступающим, Сань», - сказал он. И добавил, уже через окно, уже на прощание: «Ты, кстати, изменилась. Ты стала такая... - он искал слово, и я стояла и ждала это слово, как сюрприз из коробки, - лёгкая».

Лёгкая.

Я ехала домой и повторяла это слово до самого подъезда. Лёгкая. Всё сходилось. Плато было врёт - весы врут, а мужчины говорят правду. Я шла по лестнице, светя фонариком на телефоне, и шаги у меня действительно были лёгкие - я почти летела, - и если бы в тот момент кто-нибудь сказал мне, что «лёгкая» - это последняя похвала, которую я ещё способна принять на себя, я бы рассмеялась.

Дома я позвонила маме. С наступающим. Она говорила про балкон, про помидоры, про то, что тётя Люда опять перессорилась со всеми, а я слушала и одновременно смотрела на себя в зеркало в прихожей - потому что хотелось услышать: «Саня, ты стала прям модель». Она сказала в конце: «Ты только не худей совсем-совсем, а то я тебя не узнаю на телефоне».

Я сказала: «Мам, ну что ты». И повесила трубку, и ещё сорок минут искала это «совсем-совсем» в себе, как занозу. С одной стороны - она права, надо остановиться. С другой - остановиться на чём? На «лёгкой»? Так я ещё не «лёгкая» до конца. Лёгкая - это следствие, а я ещё в середине следствия.

Новый год я встретила на кухне с селёдкой под шубой - съела две ложки, из глубины, где не было майонеза. В час ночи Дима написал: «с новым годом, Лёгкая».

Нет. Не «Лёгкая». «С новым годом!» и отдельно: «ты классная». Я перечитала это «ты классная» столько раз, что оно рассыпалось на буквы и перестало значить что-либо. Классная. Просто классная. Не «стройная», не «утонченная». Я, между нами, устроила из этого «классная» целый суд: обвинение - что недостаточно; защита - что он не знает слов; приговор - что надо ещё.

Подсудимая была согласна с приговором. Подсудимая всегда была согласна.

ГЛАВА СЕДЬМАЯ

В январе у меня не пришли месячные.

Я отреагировала на это, как отреагировала бы на пропажу носка: пожала плечами, пожала две недели - раз, две, - и купила в аптеке тест. Не потому что могла быть беременна - в этой области во мне царила пустыня Сахара, - а потому что так было удобно объяснить себе, что я его делаю. «Снимаю неопределённость». Очень по-взрослому.

Тест показал ровно то, что и должен был: одну полоску, уверенную, как судья. И тогда настал вечер, когда мне пришлось сказать себе правду, - и я не сказала. Я пошла в интернет, набрала «задержка, причины», и интернет, соболезную, выдал мне список: стресс, дефицит, спорт, вес. Четыре слова из четырёх были о мне. Я прочитала это, кивнула, как кивают на плохую новость по чужому городу, и закрыла ноутбук, и легла спать, и утром - как ни в чём не бывало - встала на весы.

Вот тебе и взрослая женщина с высшим образованием.

Тело в ту зиму стало разговорчивым, как сослуживец, который давно хочет рассказать о личном, но не решается. Оно говорило со мной намеками. Ноги мерзли всегда - я спала в носках и в свитере, и если Лера увидела бы меня тогда - в двух свитерах в квартире с батареями, - она бы сразу всё поняла. Волосы: я заметила их сначала на подушке, потом на рукаве пальто, потом в стоке душа - там они собирались в маленький серый водоворот, и я смотрела на него и думала не «это началось», а «надо взять шампунь получше». Кожа на локтях загрубела и шелушилась, как пергамент. На предплечьях вырос пушок - тонкий, светлый, детский; я рассматривала его при лампе и находила даже трогательным: тело окутывается. Закутывается. Странно, но как-то я умела переиначить: не «я его раздеваю», а «он сам кутается».

Сердце заходилось по ночам. Не часто - раз в неделю, раз в две, - но так, что я просыпалась и лежала, слушая его, как слушают незнакомый шум в машине. «Экстрасистолия», - сказал мне потом один знакомый кардиолог, произнеся это слово так буднично, как произносят «похмелье». А я тогда не знала ещё слова. Я знала только звук: тук-ту-тук, спотык, тук-тук. Я положила руку на грудь и лежала так, пока сердце не выравнивалось, и думала: надо будет сходить провериться. Надо будет. Когда-нибудь. После плато.

А плато кончилось в конце января. Оно кончилось так, как кончаются все плато, - резко, с обвалом, но не вниз, как я ждала. Вверх. Пятьсот граммов за одну ночь.

Я стояла на весах, смотрела на цифру и ждала, что она передумает. Она не передумала. Пятьсот граммов - это полбутылки воды, это половина грейпфрута, это ничто, я понимала это головой, - но не головой я стояла в ванной в шесть утра в двух свитерах и не могла выдохнуть. У меня была паника. Настоящая, честная, телесная паника: потные ладони, ком в горле, звон в ушах, - я не могу, я не могу, я НЕ МОГУ, - и по всему этому паническому корпусу, как дирижёр, взмахивала одна-единственная мысль: я набрала.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.